

УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ИЗ ГЛАДКОВКИ

Музей исторических драгоценностей Украины располагает относительно небольшой, но очень ценной коллекцией памятников ювелирного искусства кочевников Северного Причерноморья эпохи средневековья. Среди них представляют интерес золотые изделия из так называемого Келегейского клада. Эти предметы в общем известны специалистам. На них охотно ссылаются в работах, посвященных близким по типологии и стилистике комплексам или отдельным вещам, приводят в качестве аналогий и т.д. Тем не менее существующие публикации не дают исчерпывающего представления о памятнике. Это в какой-то мере обесценивает его как художественно-исторический и археологический источник, а также в значительной степени затрудняет определение полного состава Келегейского "клада". [Полная публикация памятника подготовлена для издания в Германии].

В июне 1927 г. между песчаными дюнами на небольшом выветренном участке близ Келегейских хуторов (совр. с. Gladkivka) Голопристанского района Херсонской области местные жители случайно обнаружили зарытые там драгоценные вещи. Спустя месяц И. В. Фабрициус провела в нарушенном и частично разграбленном кладонискателями месте археологические исследования могильной ямы, заполненной темным песком, перемешанным с углем. Все найденные в ней материалы были перевезены в Херсонский музей, а позже 36 золотых предметов передали в банк, откуда в 1965 г. они поступили в собрание Музея исторических драгоценностей Украины в городе Киеве.

Первая, очень краткая, информация о келегейских находках появилась в 1927 г. В ней И. В. Фабрициус определила памятник, как "клад без каких-либо признаков погребения" [1].

В 1932 г. А. К. Тахтай. посвятил комплексу из Келегей специальную статью, которая, к сожалению, не была опубликована, а сохранилась в рукописи в Научном архиве института археологии НАН Украины в городе Киеве. В тексте статьи содержится не только описание всех вещей, но и их этнокультурная характеристика. Ученый интерпретировал уникальный памятник как захоронение знат-

ного воина-алана, датируемое VI-VII вв., а угольный слой в могильной яме посчитал следами поминальных действий [2].

Краткие сведения чисто информативного плана о келегейском памятнике опубликовал Н. Феттих в 1937 г.[3].

Последняя работа, посвященная Келегейскому “кладу”, была издана А.Н. Айбабиным в 1991 г. В небольшой по объему статье автор описал часть золотых предметов, допуская при этом существенные неточности и произвольную интерпретацию некоторых изделий.[4]

Исходя из изложенного, возникла необходимость в научной обработке и интерпретации всех имеющихся на сегодняшний день археологических материалов из Келегей. Помимо золотых изделий, которые служили украшениями военачальника и коня, в состав комплекса входили вещи, не дошедшие до наших дней, но описанные в каталоге, приложенном к рукописной статье А.К. Тахтая.

Прежде всего это многочисленные фрагменты серебряного блюда и миски, бусины из полудрагоценных камней, стеклянная посуда, крупные обломки керамической амфоры и нескольких кувшинов, обломки железного кинжала, кольчуги, стремени и стрелы, металлические и деревянные детали саркофага, шкатулки-сундучка, коренные конские зубы, обрывки одежды из меха и шкуры.

Ювелирные изделия, представленные в экспозиции Музея исторических драгоценностей Украины, заслуживают особого рассмотрения. Среди них золотые детали портупейного набора, от которого сохранились поясной наконечник и две массивные псевдопряжки, навершие рукояти кинжала и наконечник ножен. Аналогичные вещи типичны для погребений знатных кочевников последней четверти VII в. В частности, они есть среди драгоценностей из Малой Перещепины в Среднем Левобережном Поднепровье и на территории Венгрии[5]. Геральдические пояса с золотыми роскошными псевдопряжками, инкрустированными вставками из полудрагоценных камней в напаянных гнездах, служили для крепления холодного оружия – сабли и кинжала, являлись знаками отличия вождей. Золотое навершие рукояти кинжала и золотой наконечник ножен, украшенный орнаментом из мелкой зерни, а также вставленными в гнезда самоцветами (утрачены) по технологии изготовления и орнаментации близки к находкам из Глодос и Малой Перещепины[6].

К украшениям конской узды относятся пять золотых ременных накладок в форме выпуклых штампованных блях. Их поверхность покрыта сложным рельефным спиралевидным узором и трехлепестковыми пальметами. Подобные орнаментальные мотивы могли быть связаны с искусством позднесасанидского Ирана. На нашей территории предметы с таким декором датируются преимущественно

но второй половиной VII в. Это многочисленные изделия из Малой Перещепины, Новых Санжар, Скалистого, Чуфут-Кале, Ясинова, Глодос[7]. Украшениями конского оголовья служили две маленькие золотые проволочные пряжки овальной и лировидной формы, а также полусферические детали бубенцов с петелькой на вершине, аналогичные бубенцам-колокольчикам из Вознесенки, внутри которых были серебряные шарики.[8]

К драгоценным изделиям из Келегей относится серия золотых украшений, которые могли быть аксессуарами как мужского, так и женского костюма, атрибутами христианского культа и личными украшениями. Среди них выделяется непарная массивная объемная подвеска к головному убору в виде перевернутой вниз пирамидки из шариков различных размеров. Аналогичные изделия изветны среди погребального инвентаря из Глодос в Среднем Правобережном Поднепровье, могильника Чми на Северном Кавказе.[9]

Нагрудным украшением была золотая овальная подвеска со вставкой восьмигранного сердолика красно-бурого цвета, местами покрытого белой эмалью. Гнездо окантовано рубчатой проволокой. Составной частью неизвестного украшения служило изделие в виде щитка прямоугольной формы со вставкой сердолика оранжевого цвета. Гнездо обрамлено прямоугольной рамкой из крупной зерни.

По мнению ряда исследователей истоки металлических украшений со вставками самоцветов, окантованных рубчатой проволокой или зернью, следует искать в традициях позднеримского и ранневизантийского ювелирного искусства. Вместе с тем замечено, что они по стилистике близки художественным металлическим изделиям раннесредневекового Ирана.[10] В середине и третьей четверти I тыс. до н.э. подобные украшения получили широкое распространение среди представителей высших слоев кочевых народов. Кулоны со вставками полудрагоценных камней обнаружены в погребении IV-VII вв. из Наташино в Крыму[11], в Мадаре на территории Болгарии[12], в аварских могилах из Кунаготы в Венгрии.[13] Четырехугольные золотые щитки со вставками плоского самоцвета найдены в позднесарматском могильнике III-IV вв. у с. Журавка[14], в Малой Перещепине и в Глодосах. В различных изделиях из этих захоронений они применялись для орнаментации как декоративные детали, так и в качестве самостоятельных подвесок.

Четыре келегейских золотых перстня разделяются на два типа. Одна пара – в виде кольца с напаянным круглым плоским щитком. Вторая пара – с высоким расширенным и выпуклым кастом и овальным гнездом для вставки полудрагоценного камня. Близкие по

типологии и стилю перстни входили в состав глodosского и мало-перещепинского комплекса.

Особое место среди келегейских драгоценностей занимает золотой четырехконечный крест на витом обруче. Фигурный, богато орнаментированный пустотелый крест состоит из двух отдельно отлитых деталей, соединенных золотой полоской, изогнутой по контуру. В центре лицевой стороны сделано углубление крестовидной формы для цветной эмали или пасты. Концы оканчиваются круглыми розетками. Кресты, подвешенные на обручи, характерны для византийского ювелирного искусства VI-VII вв., истоки которого восходят к художественным традициям позднеримского времени. Аналогичные золотые украшения найдены в погребениях на острове Лесбос в Средиземноморье[15], в Мерсине (древний Зефирион) в Турции.[16]

Основным датирующим материалом всего Келегейского комплекса служат золотые византийские монеты, найденные в его составе. На сегодня в коллекции имеется пять византийских солидов с припаянными ушками, один солид с дырочкой без ушка и два солида, не имеющие ни ушек, ни дырочек.

Согласно определению В.А. Анохина и А.И. Семенова в Келегеях, как и в комплексах с византийскими монетами из Малой Перещепины, Новых Санжар и Макуховки присутствуют только солиды VI – первой половины VII вв. – легкий солид Юстиниана (527-565), легкий солид Ираклия чеканки между 610-613 гг., солид Константина II, предположительно чеканки между 641-646 гг., подражание солиду Ираклия и Ираклия Константина, с оригинала 616-625 гг. и четыре солида Ираклия с Ираклием Константином и Ираклеоном чеканки после 629/630 гг. Поскольку выводы двух современных ведущих нумизматов о келегейских монетах совпадают, мы считаем нужным присоединиться к ним (некоторые определения их предшественников – А.Н. Зографа., А.Л. Мацулевича., Н.П. Бауэра., В.В. Кропоткина, вероятно, ошибочные (их критика содержится в статье А.И. Семенова).[17]

Из приведенного выше обзора келегейских материалов следует, что по вещевому составу этот археологический комплекс является сопровождающим инвентарем погребения знатного кочевника с конем. Правда, скелет человека из разграбленного места находки не сохранился. Однако фрагменты шкуры и меха могли быть остатками зимнего одеяния покойника. Не нем, по всей вероятности, была надета железная кольчуга из круглых колец.

Есть основания считать, что в Келегеях погребен военачальник, вождь, тесно связанный с Византией. Свидетельством этому служит

наличие в захоронении золотого нагрудного креста и перстня с гравированным крестом на щитке. Золотой крест на обруче связан с определенным титулом и служил почетным знаком его владельца. Таковую награду мог получить за заслуги перед империей как варварский вождь, принявший христианство, так и союзный язычник. Понятно, что христианизация варваров Византией была не только религиозной, но и политической акцией: подкупом вождей воинственных кочевников Северного Причерноморья богатыми дарами, присвоением высоких придворных титулов, посылкой в их среду миссионеров-священников. Соответственно, обряд погребения вождя в Келегеях был совершен не по христианским канонам, а по языческим. Покойного сопровождали очень дорогие украшения и снаряжение, что типично не для христианской, а для языческой обрядности. Здесь следует отметить, что большинство драгоценностей из погребального комплекса были дипломатическими дарами Константинопольского двора военачальнику-номаду.

Публикуемые вещи относятся к кругу древностей перещепинского типа второй половины VII в. Не исключено, что уникальный памятник из Гладковки отражает завершающий этап существования болгарской конфедерации Кубрата.

Літаретура

1. Фабріціус І.К. Келегейський скарб// Літопис Херсонського музею. – Херсон, 1927. – С.17.

2. Тахтай А.К. Келегейський "скарб" 1927 року (рукопис). – Херсон, 1932. – С.1-4. (Науковий архів Інституту археології НАН України – фонди ВУАК, №46/48).

3. N.Fettich. Die Metallkunst der landenehmenden Ungarn. АН 1937, Н.21.

4. Айбабин А.И. Келегейское погребение военного вождя//Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1991. – С.28-35.

5. Toth. Fruhawarenzeitlicher Grabfunde in Kecskemet, Sallalstrasse// Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1980. – S.106. E.Toth/A.Horvath. Kunbabony. Das Grab eines awarenkhagans. – Kecskemet, 1992. – S.48.

6. Залесская К.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоянова Н.А. Сокровища хана Кубрата (Перещепинский клад). – СПб, 1997. – Кат.30,42.

7. Сміленко А.Т. Глодоські скарби. – К.,1965. – Табл.8,8. Сміленко А.Т. Находка 1928 года у села Новые Санжары (по материалам обследования Тахтай А.К.)//Славяне и Русь. – М.,1968. – С. 159. - Рис.1,8.

8. Грінченко В.А. Памятка VIII ст. коло села Вознесенки на Запоріжжі// Археологія. - № 3. – К.,1950. – С.53. - Табл.5,6.

9. Ковалевская В.Б. Северокавказские древности// Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.,1981. – С.179.

10. С.Balint. Vestiges archeologiques de l'epoque Tavrige des sasanides eurs relations avec les peuples des steppes, ААН 1978, Н.30.

11. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К.,1990. – С.112.

12. Н.Мавродинов. Прабалгарската художествена индустрия. – Мадара-София, 1936. – Рис.254.

13. E.Garam. Die munzdatierten Graber der Awarenzeit//Awaren Forshungen. – Wien, 1992. – S.235; Taf.63.

14. Безуглов С., Захаров А. Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Поосколье//Известия Ростовского областного музея краеведения. – Ростов-на-Дону, 1988. - С.9.

15. M.Ross. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval antigwites in the Dumbarton Oaks Collections. – Waschinton, 1965. – Taf.10.

16. Залеская В.Н. Прикладное искусство Византии IV-XII вв. – СПб., 1997. – С.7.

17. Семенов А.И. Византийские монеты келегейского комплекса// Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – № 31. - Л., 1991. – С.128. - Табл.1.

А.Г. Кияшко

Національний Києво-Печерський заповідник

ДАВНЬОРУСЬКІ ХОРОСИ XI-XIII СТ.: ДО ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ОСВІТЛЮВАЛЬНИХ ПРИЛАДІВ СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ

Художня культура Київської Русі залишила по собі чимало пам'яток архітектури, монументального та станкового живопису, зразків декоративно-ужиткового мистецтва. Серед цього розмаїття окрему групу становлять освітлювальні прилади домонгольської доби – хороси, цікаві не лише як зразки досконалої техніки художнього лиття, але і як мистецькі твори, що зберегли в собі уявлення язичницької давнини.

В експозиції Національного музею історії України представлені два чудових світильника XII ст. – так звані “хорос з грифонами”, знайдений на Хоревій вулиці м. Києва, та “хорос з птахами”, знайдений на городищі Дівич Горі поблизу с. Сахнівки Черкаської області.

Окрім київських пам'яток вивченню освітлювальних приладів домонгольської доби сприяли численні знахідки уламків хоросів